

DOI 10.15826/qr.2022.5.768

УДК 94(47+57)"1917/1922" + 316.74:001 + 94:159.953 + 316.346.36:159.953 +
+ 811.161.1'272 + 791.43

Между официальными идеологемами и травматическим опытом в представлениях о Гражданской войне*

Оксана Головашина

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Between Official Ideologemes and Traumatic Experience: Perceptions of the Civil War**

Oksana Golovashina

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

In this article, the author considers the formation of ideas about the Civil War during the 1920s–1930s. The theoretical and methodological framework of the work, on the one hand, consists of publications disclosing the concept of cultural trauma and, on the other hand, of works whose authors emphasize the dynamic character of cultural memory. The author refers to literary and cinematographic works also using materials from the media and textbooks. The analysis of the sources based on the theoretical and methodological framework leads to the following conclusions. The scheme of describing the Civil War formed in the first decades of Soviet rule defined the grammar and axiology of its interpretation. The discourse of heroism contrasts with that of traumatising. By declaring the participants in the Civil War heroes, Soviet ideologists levelled the tragedy that accompanied the event. However, some literary works also reflected the tragic experience, which could further act as the basis for the language of description and comprehension of the Civil War. The shift in value priorities towards the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

** Citation: Golovashina, O. (2022). Between Official Ideologemes and Traumatic Experience: Perceptions of the Civil War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1899–1913. DOI 10.15826/qr.2022.5.768.

Цитирование: Golovashina O. Between Official Ideologemes and Traumatic Experience: Perceptions of the Civil War // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1899–1913. DOI 10.15826/qr.2022.5.768 / Головашина О. Между официальными идеологемами и травматическим опытом в представлениях о Гражданской войне // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1899–1913. DOI 10.15826/qr.2022.5.768.

absolutisation of the cult of the state and the victorious idea of 1000 years of history and the actualisation of the patriotic rhetoric in the 1930s laid the foundations for a relatively conventional image of the Civil War.

Keywords: Civil War, cultural trauma, social memory, historical memory, Soviet cinema, Soviet ideologemes

Рассмотрено формирование представлений о Гражданской войне в 1920–1930-х гг. Теоретико-методологические рамки работы представлены публикациями, раскрывающими понятие культурной травмы, а также трудами, авторы которых подчеркивают динамичный характер культурной памяти. В качестве основных материалов для исследования выступили литературные и кинематографические произведения, в качестве дополнительных источников привлекались средства массовой информации, учебники. Анализ источников с опорой на теоретико-методологическую базу позволил автору прийти к следующим выводам: сформированная в первые десятилетия советской власти схема описания Гражданской войны определила грамматику и аксиологию ее интерпретации; дискурс героизма противостоит дискурсу травматизации, то есть, объявляя участников Гражданской войны героями, советские идеологи нивелировали трагедию, которая сопровождала это событие; трагический опыт также находил свое отражение в некоторых литературных произведениях, что может в дальнейшем выступать основой языка описания и осмысления Гражданской войны; ситуация изменения ценностных приоритетов в сторону абсолютизации культа государства и победившая идея 1000-летней истории, а также актуализация патриотической риторики в 1930-е гг. создали иллюзию относительно конвенционального образа Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война, культурная травма, социальная память, историческая память, советское кино, советские идеологемы

22 апреля 2021 г. в Севастополе был открыт памятник Примирения – масштабный монумент, посвященный 100-летию окончания Гражданской войны. Мемориальный комплекс состоит из нескольких фигур. В центре, на 25-метровом постаменте – женщина, которая символизирует и Россию, и мать, призывающую к примирению своих сыновей. Мужчины – красноармеец и белогвардеец – стоят по разные стороны, за их спинами – бронзовые горельефы со сценами Гражданской войны и Русского исхода. На лицевой части постамена – надпись: «Мы единый народ Российской Федерации». Выступавшие на открытии памятника подчеркивали необходимость примирения белых и красных, что было продекларировано и в речи бывшего министра культуры РФ Владимира Мединского.

Споры вокруг памятника Примирения разгорелись еще до его открытия. О резком неприятии монумента заявили севастопольское отделение общественного движения «Бессмертный полк», Союз ар-

хитекторов Севастополя, Союз советских офицеров Севастополя [Окунев]. «Никакого примирения нет и быть не может», – подчеркнул предводитель Российского дворянского собрания Олег Щербачев [Там же], а председатель Морского собрания Севастополя Владимир Стефановский сравнил примирение красных и белых с примирением вора, убийцы и их жертв [Никитина]. Дискуссии пользователей в социальных сетях транслируют тот же раскол, который проявился в отношении общественных организаций, подтверждая, что до примирения всех сторон Гражданской войны еще далеко [Подслушано; Скандальный памятник «Примирению» в Севастополе]. Скандалом сопровождалось и открытие монумента «Исход» в Новороссийске [Скандал в Новороссийске], дискуссии и споры уже не первый год не утихают вокруг установки памятников участникам Антоновского восстания или атаману Семенову [Головашина; Пешков].

Государственные идеологемы о примирении и «едином народе», представленные коммеморативными практиками, направленные на цементирование этих идеологем, зачастую вызывают резко негативную реакцию населения. О противоречивых оценках события [Гражданская война; Малинова] или о дискуссионности и невозможности нивелирования конфликтогенного потенциала некоторых тем [Бубнов; Пешков] говорят также современные исследователи исторической памяти. Сложность соотношения образов Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации в исторической памяти современных россиян, исчезновение государства, которое появилось в результате Гражданской войны, особенности историографической традиции в России, актуализация некоторых советских мифологем и специфика советской и постсоветской исторической политики предопределили многослойность памяти о Гражданской войне и невозможность ее однозначных трактовок.

В статье акцентировано внимание на формировании представлений о Гражданской войне в 1920–1930-х гг. Подобный фокус необходим, чтобы проанализировать то, как свидетельства очевидцев, голоса участников, наблюдателей трансформировались акторами идеологической политики, и почему кажущийся конвенциональным образ не позволяет говорить о социальном примирении. Исходная гипотеза предполагает, что способность образов прошлого подвергаться изменениям может выступать как источником новых трактовок, так и способом мифологизации. Решение поставленной задачи предполагает, во-первых, изучение аспектов, определивших официальный нарратив о Гражданской войне и картину события, во-вторых, анализ того, как травматический опыт был осмыслен в рамках литературных произведений, опубликованных в первые десятилетия после ее окончания.

Теоретико-методологическая база статьи представлена работами Дж. Олика, И. Ирвин-Зарецки, А. Эрл и А. Ригни. Дж. Олик обратил внимание на то, что исследователи в основном анализируют то, что память делает для группы, но не обращают внимание на то, что груп-

па делает для памяти [Олик, с. 42]. Динамика коллективной памяти для И. Ирвин-Зарецки – это реконфигурация нашего интереса к прошлому [Irwin-Zarecka]; на тот или иной сложившийся образ прямое влияние оказывает медиация, так как все репрезентации прошлого используют доступные медиатехнологии, существующие медиапродукты, паттерны репрезентации и эстетику медиа [Erl, Rigny]. Также, учитывая травматический характер Гражданской войны, мы будем опираться на статьи и публикации, раскрывающие понятие культурной травмы [Sztompka]. В отличие от психологической травмы, которую люди могут преодолеть, столкнувшись с чувствами и мыслями, связанными с травмирующей памятью [Kolk], культурная травма, как доказывают теоретики, никогда не разрешается, а скорее трансформируется и пересматривается поколениями [Neal; Айерман], представляя собой прежде всего социальный конструкт.

Теоретико-методологические рамки работы предопределили выбор источников. Основными из них стали литературные и кинематографические произведения, авторами которых были советские и российские граждане. Выбор этой источниковой базы опирался на допущение, что литература и кино могут создавать язык описания реальности, который формирует определенную картину воспоминаний, заменяющую впоследствии эти воспоминания; также, в соответствии с идеями А. Эрл и А. Ригни, в статье подчеркивается влияние литературы и кинематографа на формирование образа прошлого и процессы исторической травматизации/детравматизации [Erl, Rigny]. В качестве дополнительных источников привлекались материалы средств массовой информации, учебников, исследований историков. В силу небольшого объема статьи внимание будет ограничено географическими рамками Советского Союза.

Предлагаемые авторами в качестве исследовательской оптики категории «смуты» [Булдаков; Карпенко; Красная смута], «гражданских войн» [Колоницкий; Historical Dictionary; Smele] также констатируют существующую фрагментарность и дискуссионность в оценках рецепции события. Сформированная в советской историографии модель осмысления революции и возникших впоследствии конфликтов отразилась не только в языке описания Гражданской войны, но и (через учебники и медиа) в исторической памяти. Участники Антоновского восстания говорят, что они были в «банде» [Головашина, с. 312], а образ Чапаева оказал влияние на формирование советской героики (например, смерть Верещагина в «Белом солнце пустыни»). Однако говорить о том, что эта модель полностью определила представления россиян, будет ошибочным. Во-первых, семейная память сохраняла свидетельства очевидцев и участников событий, которые могли и конфликтовать с некоторыми советскими идеологемами и противоречить им; во-вторых, сама схема не была однозначной и внутренне непротиворечивой, а трансформировалась на протяжении развития советской историографии и изменений в политической, междуна-

родной, социальной обстановке. Поэтому далее речь пойдет не только о формировании официальных идеологем о Гражданской войне, но и о существующих параллельно рецепциях ее событий в художественном нарративе.

Гражданская война в официальном нарративе

Несмотря на то, что классовая солидарность пролетариев в соответствии с Манифестом коммунистической партии противоречила национальному самосознанию и гражданской идентичности, патриотическая риторика в советских СМИ появилась уже в начале в 1918 г. Ленин писал о «матушке России», «великой отечественной войне» [Ленин, т. 36, с. 78–82] и о том, что «социалистическое отечество в опасности» [Ленин, т. 35, с. 357–358], – концепт «социалистического отечества» будет использоваться и в последующей пропаганде [Хан-Пира]. Сохранение классовой риторики в описании Гражданской войны не мешало распространению риторики патриотической, прежде всего связанной с противостоянием интервенции и поддержкой белогвардейских сил иностранными государствами: «Как вам не стыдно идти вместе с французами? Разве вы забыли 12-й год?» [Агурский, с. 159].

Русская революция и Гражданская война определялись В. И. Лениным как «наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса» [Ленин, т. 34, с. 215], однако в формирующейся патриотической риторике Гражданская война выступала не только проявлением классового сознания, но и объяснялась необходимостью защиты Отечества. В 1920-е гг. появилась и получила распространение в 1930-е схема описания Гражданской войны через мифологическое противостояние «добра» (борцов за справедливость и права угнетенных) и «зла» (угнетателей, поработителей, интервентов) [Raleigh, p. 209]. В определенном смысле события Гражданской войны были вписаны в псевдорелигиозный дискурс и маркировались как испытания; оценка событий через оптику мифологического противостояния добра и зла привела к распространению модели восприятия Гражданской войны через бинарные оппозиции, что мешало осмыслению и формированию альтернативных языков описания.

Первые публикации, посвященные «героическим победам Красной армии над белогвардейцами», начали выходить еще в 1918 г., а уже в 1925 г. был издан «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 гг.», который заложил рамки описания героев Гражданской войны в целом. Отметим, что «ежедневный героизм», «самоотдача» и другие качества настоящего героя станут основой для представления подвигов, совершенных во время Великой Отечественной войны. Эта схема была адаптирована под потребности массового читателя и зрителя. Журналы, книги, СМИ, кинопродукция должны

были быть максимально понятными для широкого круга читателей (что в целом не было уникальным для Советской России, а соответствовало тенденциям развития пропаганды в модернистском обществе) [Recovering the Utopian Spirit of Fairy Tales and Fables from the Weimar Republic, p. 12; Bernays, p. 37]. Государственная пропагандистская машина, на которую работали многие талантливые художники (Эйзенштейн, Маяковский), создала красивый эмоционально окрашенный образ этой схемы, который многократно транслировался через государственную систему образования, фильмы, книги и т. д. («Вот за что мерзли, гибли под пулями, теряли своих детей трудящиеся Советской страны» [За что боролись?]), на нее же работала художественная литература (А. Малышкин, Д. Бедный, А. Серафимович).

При этом нельзя сказать, что предлагавшиеся в 1920-е гг. художниками образы были однозначными. Несмотря на то, что Марютка, героиня повести Б. А. Лавренева «Сорок первый», поступает так, как должна была поступить в соответствии с транслировавшимися в этот период нормами поведения красноармейца, белый офицер Говоруха-Отрок, для которого единственная родина – мысль и который в книгах хочет найти прощение, вызывает симпатии читателей. Белые офицеры в романе Владимира Зазубрина «Два мира» считают, что русскому народу нужны «нагайка и кнут», в произведении много сцен белого террора, однако главный герой подпоручик Барановский принадлежит к белому лагерю, а большевики в изображении автора не выглядят гуманистами.

Распространение мифологической схемы с наметившимся противопоставлением «героев» и «злодеев» ярко проявилось в популярном в СССР 1930-х гг. фильме «Чапаев», снятом по мотивам одноименного романа Д. Фурманова 1923 г. (1934, реж. Г. Васильев, С. Васильев), причем отмеченное некоторыми исследователями отсутствие одномерности в изображении белых в картине [Бычков, Гефнер; Stites, p. 86] не вызывало к ним сочувствия зрителей, а только усиливало восприятие положительных качеств красных. Сам Чапаев и в романе, и в фильме представлен как своевольный, предприимчивый Стенька Разин, народный герой с элементами неуправляемого крестьянского анархизма в характере и буйным нравом, поднявшийся из простого народа, чтобы бороться с эксплуатацией и несправедливостью.

Широкое распространение этого фильма способствовало популяризации основной советской мифологической схемы трактовки Гражданской войны, а сам образ Чапаева оказался важным элементом советского мифа основания [Кларк, с. 43–44; Seth, p. 48]. Акцент на спонтанных и идеологически менее контролируемых социальных потрясениях с «революционными массами» в качестве главного героя, характерный для фильмов 1920-х гг. («Броненосец Потемкин»), сменился на внимание к организационной и мобилизующей роли партии в Гражданской войне. Миллионы советских граждан, для многих из которых опыт войны был еще частью их живой памяти, учились воспринимать эти события как противостояние «хороших» красных

и «плохих» белых, несмотря на то, что их личный опыт, вероятно, был гораздо более сложным. Та же рамка воспроизводится в еще в одном фильме о герое – о Николае Щорсе («Щорс», 1939, реж. А. Довженко).

В 1930-е гг. дискурс о великом Октябре уступает место идее строительства нового советского государства. Это предопределило реконфигурацию отношения к событиям Гражданской войны и новые способы их интерпретации [Irwin-Zarecka, p. 76]. В соответствии с победившей в исторической политике идеей 1000-летней истории России, сохраняющей преемственность, несмотря на произошедшие трагические события, революция и Гражданская война начинают интерпретироваться не как первособытие для нового воображаемого сообщества (Б. Андерсон), а вписываются в довольно продолжительный нарратив классовой борьбы. Личные, семейные травмы уступали место более крупному и влиятельному государственному повествованию.

Акцентирование роли государства будет способствовать развитию патриотической риторики, но сконструированное патриотическим дискурсом различие «своих» и «чужих» начинает проходить не по линии красных и белых, а в зависимости от отношения героев к государству. В этой связи кажется неудивительным парадоксальный на первый взгляд положительный образ белого офицера в советском кинематографе второй половины XX в. («Адъютант его превосходительства» (1969), «Свой среди чужих, чужой среди своих» (1974) и др.). Это противоречие между преемственностью государственного исторического нарратива и революционными преобразованиями как первособытием, разрушающим эту преемственность, проявилось и в исторической памяти.

Тема Гражданской войны в советской литературе 1920-х гг.

Говоря о первых десятилетиях после окончания Гражданской войны, можно вести речь о посттравматическом расстройстве [Кобылин, Николаи], но официальная историческая политика была направлена на то, чтобы посттравматический синдром был нивелирован, а трагичность Гражданской войны оставалась за скобками интенсивно формировавшегося в то время героического нарратива. Источником солидаризации сообщества стала не травма Гражданской войны, а идея «веков угнетения», закончившихся победой символических «наших». Героический дискурс первых лет после окончания Гражданской войны способствовал нивелированию посттравматического синдрома; однако голоса, отражавшие травматический опыт войны, в 1920-е гг. еще не были полностью обезличены формировавшимися тогда государственными идеологемами. Речь идет о литературных произведениях, в которых предлагается трагический нарратив о Гражданской войне, травматизации не противопоставляется никакая альтернатива, а создание нового мира не изображается как цель, достойная жертв².

² В статье речь идет только об опубликованных произведениях.

По мнению В. П. Булдакова, для изучения эскалации насилия нужно использовать методологию изучения паталогического сознания [Булдаков]. Непосредственность грубого опыта, переданного через фрагментарные эпизоды, отражающие хаос беспорядка и трудность понимания происходящего, это довольно распространенная характеристика произведений о Гражданской войне в ранней советской литературе. Легендарные герои-коммунисты знают, что сила и могущество, а также обращение к жажде мести крестьян и казаков с большей вероятностью приведут к победе в битвах, чем идеология. Классовая сознательность, необходимая с точки зрения марксистских критиков составляющая в изображении революционных героев, не всегда проявлялась в изменчивой, но все более гнетущей атмосфере середины 1920-х гг.

И. Бабель изображает Буденного расслабленным, игнорирующим сообщения о наступлении польской кавалерии – сложно представить более сильный контраст с «Чапаевым» Д. Фурманова. В. Иванов в пьесе «Бронепоезд 14–69» в традициях натурализма, характерного, например, для Э. Золя, повествует о крестьянах, сражающихся с Колчаком и японскими повстанцами. Бесстрастное описание Ивановым фрагментов человеческих тел вызывает тот же шок, которого Бабелю удастся добиться в его отстраненном повествовании. Б. Пильняк, сохраняя в романе «Голый год» образ революции-метели А. Блока, показывает в качестве актора не большевиков, а абстрактный инстинкт жизни, заставляющий, например, нуждающихся в еде рабочих запускать станки и продавать продукцию крестьянам. Травматический опыт Гражданской войны Б. Пильняк показывает не через картины сражений и убийств, а через изображение голодных толп людей или лейтмотивный образ хаоса. Похожее ощущение транслирует и М. Булгаков в «Белой гвардии»: Алексей Турбин думает о гибели дома своей семьи, человеческие трупы лежат, как «дрова в штабелях».

«Динамика культурной памяти только тогда может быть полностью понятной, когда мы будем принимать во внимание не просто значение социальных факторов, но также “медиальные” рамки воспоминания и специфические медиальные процессы, через которые воспоминания входят в публичную сферу и становятся коллективными» [Erlл, Rigny, p. 2]³. Однако медиа не были направлены на переосмысление травматического опыта. Объявляя участников Гражданской войны героями, советские идеологи нивелировали трагедию, которая сопровождала это событие. Агитационные поезда [см.: Taylor] и популярное кино [см.: Vance Kepley; Youngblood] развлекали и отвлекали, но не предлагали адекватную модель описания травмирующего опыта, а редкие литературные произведения, которые были изданы в то время, не могли влиять на массовую рецепцию Гражданской войны. Память и история сообществ формируются в рамках, часть которых задается государством и политическим дискурсом.

³ Здесь и далее перевод автора статьи.

Дискурс сообществ при этом далеко не всегда абсолютно подавляется государством: каждая форма памяти влияет на другую и «не может быть понята без изучения других форм памяти и других элементов ситуации» [Олик, с. 51]. Формировавшиеся в описываемый период советские идеологемы и существовавшие каналы их трансляции повлияли на язык описания событий Гражданской войны, но не могли определить его полностью; несмотря на то, что художественные тексты также полны идеологемами, эти идеологемы иницированы не актуальной политической повесткой, а связаны с рефлексией и осмыслением опыта и культурной традицией.

Идея единого народа России активно используется в качестве идеологемы в речах современных политиков [Путин, 2012а; Заседание Президиума Госсовета], внедряясь средствами пропаганды в общественное мнение. Легитимный характер этому высказыванию обычно придается через апелляцию к различным историческим событиям [Путин, 2012б; Путин, 2012с; Стратегии государственной национальной политики]. Однако раскол среди населения, который сопровождал Гражданскую войну, замена рефлексии и осмысления этих событий официальными идеологемами не позволяют говорить о единстве граждан Российской Федерации.

Неудивительно, что категория гражданских войн, характерная для западной историографии, почти не используется российскими авторами, так как противоречит инерции сложившихся идеологем (исключениями являются некоторые современные публикации [Колоницкий; Тарасов]). Предлагаемые западными историками идеи множественности конфликтов, которые принято называть гражданскими войнами, или об имперской революции, породившей комплекс войн [Reynolds], не позволяют увидеть в них истоки раскола и внутренних противоречий темы Гражданской войны в исторической памяти современных россиян. При этом работы, в которых анализируется сложность ситуации и представлено разнообразие взглядов с позиции имперских окраин [Russia's Home Front; Sablin], а также уделяется внимание локальным аспектам истории Гражданской войны [Новиков; Новикова; Пешков; Тюрин], остаются за пределами внимания советских и зачастую российских исследователей, безусловно, показывая причины невозможности примирения и конвенциональной оптики современной оценки Гражданской войны.

Нивелирование посттравматического синдрома через героический дискурс в первые десятилетия после Гражданской войны, а также распространение мифологической бинарной схемы описания ее участников привели к сложностям формирования исследовательской оптики, способствующей осмыслению событий и детравматизации опыта поколения. Интеграция памяти белого движения в послевоен-

ный период и смена акцентов советской политики памяти в сторону Великой Отечественной войны как главного события советской истории, а также распространение идеи непрерывной 1000-летней истории России предопределили формирование относительно конвенционального образа Гражданской войны в современной исторической политике. Однако эта стратегия не предлагает пространства для каких-либо практик детравматизации и осмысления трагического опыта, без которых невозможно говорить о примирении, а также оставляет за пределами внимания память участников крестьянских и этнических выступлений. Исходя из того, что создание дискурса вокруг культурной травмы – это процесс опосредования, включающий альтернативные стратегии и альтернативные голоса [Айерман], практики детравматизации должны предполагать пересмотр существующих идеологем и отказ от редукции разнообразного опыта жителей различных регионов России и их потомков к предлагаемому государственным историческим нарративом представлению о россиянах и российской истории. Память (и, соответственно, историческая травма) большого сообщества, таким образом, строится за счет интеграции или конфликта памяти отдельных коллективов и групп.

Список литературы

- Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. М. : Алгоритм, 2003. 316 с.
- Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. С. 42–54.
- Бубнов А. Ю. «Гражданская война памяти»: конструирование нарративов о Гражданской войне в России в онлайн-дискуссии // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2019. № 6. С. 29–43.
- Булдаков В. П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. : (Условия возникновения, хроника, комментариев, анализ). М. : Новый хронограф, 2010. 1090 с.
- Бычков С. П., Гейфнер О. В. Образы красноармейцев и белогвардейцев в советском кинематографе (на примере фильма «Чапаев» братьев Васильевых) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2017. № 2 (14). С. 61–65.
- Головашина О. В. «В борьбе обрешь ты память свою»: антоновщина в представлениях современных тамбовчан // Диалог со временем. 2020. № 70. С. 305–319. DOI 10.21267/AQUILO.2020.70.56483.
- Гражданская война в России: сто лет спустя // ВЦИОМ : [сайт]. 2018. 26 июня. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9180> (дата обращения: 29.08.2022).
- За что боролись? // Смена. 1927. № 20. С. 10.
- Заседание Президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия. 11 февраля 2011 г., Уфа // Президент РФ : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/10312> (дата обращения: 07.11.2022).
- Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М. : Вече, 2009. 432 с.
- Кларк К. Советский роман : История как ритуал / пер. с англ. под ред. М. Литовской. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 262 с.
- Кобылин И. И., Николаи Ф. В. Переопределяя границы сообщества: культурная память, травма, биополитика // История и историческая память. 2014. № 9. С. 90–103.
- Колоницкий Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917? – 1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 3–24. DOI 10.31857/S086956870004216-8.
- Красная смута : сб. ист. лит. произведений / сост. и науч. ред. Р. Г. Гагкуев. М. : Посев, 2011. 624 с.

Ленин В. И. Русская революция и гражданская война : Пугают гражданской войной // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит., 1972–1976. Т. 34. С. 214–228.

Ленин В. И. Социалистическое отечество в опасности // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит., 1972–1976. Т. 35. С. 357–358.

Ленин В. И. Главная задача наших дней // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит., 1972–1976. Т. 36. С. 78–82.

Малинова О. Ю. Комmemорация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 37–56. DOI 10.17976/jpps/2018.02.04.

Никитина Т. Белые и красные объединились против «Примирения» в Севастополе // Примечания.ru : [сайт]. URL: https://primechaniya.ru/sevastopol/stati/belye_i_krasnye_obedinilis_protiv_primireniya_v_sevastopole/ (дата обращения: 06.11.2022).

Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрполиграф, 2005. 414 с.

Новикова Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»: белое движение и Гражданская война на Русском Севере, 1917–1920. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 368 с.

Окунев Д. «Потоки лжи»: почему памятник Примирения не устроил ни красных, ни белых // Газета.ru : [сайт]. 2020. 3 нояб. URL: https://www.gazeta.ru/science/2020/11/03_a_13344577.shtml?updated (дата обращения: 06.11.2022).

Олик Д. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.

Пешков И. О. В поисках утраченного врага: мифологема Гражданской войны как фактор региональной идентичности Забайкалья // Политическая наука. 2018. № 3. С. 147–166. DOI 10.31249/poln/2018.03.08.

Подслушано в Севастополе // ВКонтакте : [сайт]. 2020. 24 окт. URL: https://vk.com/wall-63435306_302437 (дата обращения: 06.11.2022).

Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Этнодиалоги. 2012а. № 1 (38). С. 8–26.

Путин В. В. Выступление на церемонии вручения грамот «Город воинской славы» Малоярославцу и Можайску // Президент РФ : [сайт]. 2012б. 2 сент. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/16346> (дата обращения: 07.11.2022).

Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент РФ : [сайт]. 2012с. 12 дек. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 07.11.2022).

Скандал в Новороссийске: осквернивших «Исход» лишит права на День Победы // Regnum : [сайт]. 2015. 8 апр. URL: <https://regnum.ru/news/society/1913401.html> (дата обращения: 06.11.2022).

Скандалный памятник «Примирению» в Севастополе. Где он находится и что с ним не так? // Яндекс Дзен : [сайт]. 2021. 4 марта. URL: <https://dzen.ru/media/pefotograf/skandalnyi-pamiatnik-primireniyu-v-sevastopole-gde-on-nahoditsia-i-chto-s-nim-ne-tak-603be3e16cd9133fa6540a01> (дата обращения: 06.11.2022).

Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 07.11.2022).

Тарасов К. А. Гражданские войны на постимперском пространстве. Круглый стол «Петербургского исторического журнала» // Петербургский исторический журнал : Исследования по российской и всеобщей истории. 2018. № 3 (19). С. 167–170. DOI 10.51255/2311-603X-2018-00055.

Тюрин В. А. «Чрезвычайка»: Гражданская война в форме этнического противостояния // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2008. № 11. С. 298–314.

Хан-Пура Э. Лукавая синонимика // Знамя. 2001. № 7. С. 167–170.

Bernays E. Propaganda. N. Y. : Horace Liveright, 1928. 168 p.

Ertl A., Rigny A. Introduction: Cultural Memory and Its Dynamics // Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory / ed. by A. Ertl, A. Rigny. Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter, 2009. P. 1–14.

Historical Dictionary of the “Russian” Civil Wars, 1916–1926 : 2 Vols. / comp. by J. D. Smele. Lanham, Maryland ; N. Y. ; L. : Rowman & Littlefield, 2015.

Irwin-Zarecka I. Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory. N. Brunswick : Transaction, 1994. 214 p.

Kolk B. A. van der. The Body Keeps the Score: Brain, Mind, and Body in the Healing of Trauma. N. Y. : Penguin Books, 2014. 464 p.

Neal A. G. National Trauma and Collective Memory: Major Events in the American Century. Armonk, N. Y. : M. E. Sharpe, 1998. 224 p.

Raleigh D. J. Experiencing Russia’s Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton, N. J. : Princeton Univ. Press, 2002. 438 p.

Recovering the Utopian Spirit of Fairy Tales and Fables from the Weimar Republic // Fairy Tales and Fables from Weimar Days / ed. by J. Zipes. L. : Palgrave Macmillan, 2018. P. 3–26.

Reynolds M. A. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2011. 303 p.

Russia’s Home Front in War and Revolution, 1914–1922 : 4 Books / ed. by S. Badcock, L. G. Novikova, A. B. Retish. Bloomington : Slavica Publ., 2015. Book 1. Russia’s Revolution in Regional Perspective. 404 p.

Sablin I. The “Russian” Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World by Jonathan D. Smele (Review) // *Ab Imperio*. 2017. № 1. P. 402–406. DOI 10.1353/imp.2017.0021.

Seth B. A. Cultural Analysis of the Russo-Soviet Anekdot. BA : Univ. of Texas, 1990. 291 p.

Smele J. D. The “Russian” Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World. L. : Hurst, 2016. XXIV, 423 p.

Stites R. Russian Popular Culture: Entertainment and Society Since 1900. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992. 304 p.

Sztompka P. Cultural Trauma. The Other Face of Social Change // *European Journal of Social Theory*. 1999. № 3 (4). P. 449–466. DOI 10.1177/13684310022224895.

Taylor R. Soviet Socialist Realism and the Cinema Avant-Garde // *Studies in Comparative Communism*. 1985. № 17 (3/4). P. 185–202.

Vance Kepley Jr. Federal Cinema: The Soviet Film Industry, 1924–32 // *Film History*. 1996. Vol. 8, № 3. P. 344–356.

Youngblood D. J. The Fate of Soviet Popular Cinema during the Stalin Revolution // *The Russian Rev.* 1991. Vol. 50, № 2. P. 148–162.

References

Agurskii, M. S. (2003). *Ideologiya natsional-bol’shevizma* [The Ideology of National Bolshevism]. Moscow, Algoritm. 316 p.

Aierman, R. (2016). Kul’turnaya travma i kollektivnaya pamyat’ [Cultural Trauma and Collective Memory]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 5, pp. 42–54.

Badcock, S., Novikova, L. G., Retish, A. B. (Eds.). (2015). *Russia’s Home Front in War and Revolution, 1914–1922. 4 Books*. Bloomington, Slavica Publ. Book 1. Russia’s Revolution in Regional Perspective. 404 p.

Bernays, E. (1928). *Propaganda*. N. Y., Horace Liveright. 168 p.

Bubnov, A. Yu. (2019). “Grazhdanskaya voina pamyati”: konstruirovaniye narrativov o Grazhdanskoi voine v Rossii v onlain-diskussii [“The Civil War of Memory”: Constructing Narratives about the Russian Civil War in an Online Discussion]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. No. 6, pp. 29–43.

Buldakov, V. P. (2010). *Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg. Usloviya vozniknoveniya, khronika, kommentarii, analiz* [Chaos and Ethnicity. Ethnic Conflicts in Russia, 1917–1918. Conditions for the Emergence, Chronicle, Commentary, and Analysis]. Moscow, Novyi khronograf. 1090 p.

Bychkov, S. P., Gefner, O. V. (2017). Obrazy krasnoarmeitsev i belogvardeitsev v sovetskom kinematografe (na primere fil’ma “Chapaev” brat’ev Vasilevykh) [Images

of Red Army Soldiers and White Guards in Soviet Cinema (with Reference to the *Chapaev* Film by the Vasiliev Brothers). In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 2 (14), pp. 61–65.

Erl, A., Rigny, A. (2009). Introduction: Cultural Memory and Its Dynamics. In Erl, A., Rigny, A. (Eds.). *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Berlin, N. Y., Walter de Gruyter, pp. 1–14.

Gagkuev, R. G. (Ed.). (2011). *Krasnaya smuta. Sbornik istoricheskikh literaturnykh proizvedenii* [The Red Time of Troubles. A Collection of Historical Literary Works]. Moscow, Posev. 624 p.

Golovashina, O. V. (2020). “V bor’be obretech’ ty pamyat’ svoyu”: antonovshchina v predstavleniyakh sovremennykh tambovchan [In the Battle You Will Attain Your Memory: The 1921–1922 Peasant Uprising as Seen by Modern Residents of Tambov Region]. In *Dialog so vremenem*. No. 70, pp. 305–319. DOI 10.21267/AQUILO.2020.70.56483.

Grazhdanskaya voina v Rossii: sto let spustya [The Russian Civil War: A Century Later]. (2018). In *VTsIOM* [website]. 26 June. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9180> (accessed: 29.08.2022).

Han-Pira, E. (2001). Lukavaya sinonimika [Deceitful Synonymy]. In *Znaniya*. No. 7, pp. 167–170.

Irwin-Zarecka, I. (1994). *Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory*. N. Brunswick, Transaction. 214 p.

Karpenko, S. V. (2009). *Belye generaly i krasnaya smuta* [White Generals and the Red Time of Troubles]. Moscow, Veche. 432 p.

Klark, K. (2002). *Sovetskii roman. Istoriya kak ritual* [The Soviet Novel. History as a Ritual] / transl. by M. Litovskaya. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 262 p.

Kobylin, I. I., Nikolai, F. V. (2014). Pereopredelyaya granitsy soobshchestva: kul'turnaya pamyat', travma, biopolitika [Redefining Community Boundaries: Cultural Memory, Trauma, and Biopolitics]. In *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*. No. 9, pp. 90–103.

Kolk, B. A. van der. (2014). *The Body Keeps the Score: Brain, Mind, and Body in the Healing of Trauma*. N. Y., Penguin Books. 464 p.

Kolonitskii, B. I. (2019). Ot mirovoi voiny k grazhdanskim voynom (1917? – 1922?) [From World War to Civil Wars]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 1, pp. 3–24. DOI 10.31857/S086956870004216-8.

Lenin, V. I. (1972–1976). Glavnaya zadacha nashikh dnei [The Main Challenge of Our Day]. In Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 36, pp. 78–82.

Lenin, V. I. (1972–1976). Russkaya revolyutsiya i grazhdanskaya voina. Pugayut grazhdanskoi voinei [The Russian Revolution and Civil War. The Civil War Scare]. In Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 34, pp. 214–228.

Lenin, V. I. (1972–1976). Sotsialisticheskoe otechestvo v opasnosti [The Socialist Fatherland is in Danger]. In Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 35, pp. 357–358.

Malinova, O. Yu. (2018). Kommemoratsiya stoletiya revolyutsii(i) 1917 goda v RF: sravnitel'nyi analiz sopernichayushchikh narrativov [Commemorating the Centenary of the 1917 Revolution(s) in the Russian Federation: A Comparative Analysis of Competing Narratives]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 37–56. DOI 10.17976/jpps/2018.02.04.

Neal, A. G. (1998). *National Trauma and Collective Memory: Major Events in the American Century*. Armonk, N. Y., M. E. Sharpe. 224 p.

Nikitina, T. (N. d.). Belye i krasnye ob'edinilis' protiv “Primireniya” v Sevastopole [White and Red Unite against the “Reconciliation” in Sevastopol]. In *Primechaniya.ru* [website]. URL: https://primechaniya.ru/sevastopol/stati/belye_i_krasnye_obedinilis_protiv_primireniya_v_sevastopole/ (accessed: 06.11.2022).

Novikov, P. A. (2005). *Grazhdanskaya voina v Vostochnoi Sibiri* [Civil War in Eastern Siberia]. Moscow, Tsentrpoligraf. 414 p.

Novikova, L. G. (2011). *Provintsial'naya "kontrrevolyutsiya": beloe dvizhenie i Grazhdanskaya voina na Russkom Severe, 1917–1920* [Provincial "Counter-Revolution": The White Movement and the Civil War in the Russian North, 1917–1920]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 368 p.

Okunev, D. (2020). "Potoki lzhi": pochemu pamyatnik Primireniya ne ustroil ni krasnykh, ni belykh ["Torrents of Lies": Why the Reconciliation Monument Did not Suit the Reds or the Whites]. In *Gazeta.ru* [website]. 3 Nov. URL: https://www.gazeta.ru/science/2020/11/03_a_13344577.shtml?updated (accessed: 06.11.2022).

Olik, J. (2012). Figuratsii pamyati: protsessno-relyatsionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii [Figurations of Memory: A Process-Relational Methodology Illustrated Based on the German Case]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 11. No. 1, pp. 40–74.

Peshkov, I. O. (2018). V poiskakh utrachennogo vruga: mifologemy Grazhdanskoi voyny kak faktor regional'noi identichnosti Zabaikal'ya [In Search of a Lost Enemy: Mythologemes of the Civil War as a Factor in the Regional Identity of Transbaikalia]. In *Politicheskaya nauka*. No. 3, pp. 147–166. DOI 10.31249/poln/2018.03.08.

Podslushano v Sevastopole [Overheard in Sevastopol]. (2020). In *VKontakte* [website]. 24 Oct. URL: https://vk.com/wall-63435306_302437 (accessed: 06.11.2022).

Putin, V. V. (2012a). Rossiya: natsional'nyi vopros [Russia: A National Question]. In *Etnodialogi*. No. 1 (38), pp. 8–26.

Putin, V. V. (2012b). Vystuplenie na tseremonii vrucheniya gramot "Gorod voinskoi slavy" Maloyaroslavtsu i Mozhaisku [Speech at the "City of Military Glory" Award Ceremony for Maloyaroslavets and Mozhaisk]. In *Prezident RF* [website]. 2 Sept. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/16346> (accessed: 07.11.2022).

Putin, V. V. (2012c). Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu [President's Address to the Federal Assembly]. In *Prezident RF* [website]. 12 Dec. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> (accessed: 07.11.2022).

Raleigh, D. J. (2002). *Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Princeton, N. J., Princeton Univ. Press. 438 p.

Recovering the Utopian Spirit of Fairy Tales and Fables from the Weimar Republic. (2018). In Zipes, J. (Ed.). *Fairy Tales and Fables from Weimar Days*. L., Palgrave Macmillan, pp. 3–26.

Reynolds, M. A. (2011). *Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 303 p.

Sablin, I. (2017). The "Russian" Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World by Jonathan D. Smele (Review). In *Ab Imperio*. No. 1, pp. 402–406. DOI 10.1353/imp.2017.0021.

Seth, B. A. (1990). *Cultural Analysis of the Russo-Soviet Anekdot*. BA, Univ. of Texas. 291 p.

Skandal v Novorossiiske: oskvernivshikh "Iskhod" lishit' prava na Den' Pobedy [Scandal in Novorossiysk: Deny Victory Day Rights to Those Who Desecrated the *Exodus*]. In *Regnum* [website]. 8 Apr. URL: <https://regnum.ru/news/society/1913401.html> (accessed: 06.11.2022).

Skandal'nyi pamyatnik "Primireniyu" v Sevastopole. Gde on nakhoditsya i chto s nim ne tak? [The Scandalous "Reconciliation" Monument in Sevastopol. Where Is It Located and What is Wrong with It?]. (2021). In *Yandex Dzen* [website]. 4 March. URL: <https://dzen.ru/media/nefotograf/skandalnyi-pamiatnik-primireniyu-v-sevastopole-gde-on-nahoditsya-i-chto-s-nim-ne-tak-603be3e16cd9133fa6540a01> (accessed: 06.11.2022).

Smele, J. D. (2016). *The "Russian" Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World*. L., Hurst. XXIV, 423 p.

Smele, J. D. (Ed.). (2015). *Historical Dictionary of the "Russian" Civil Wars, 1916–1926*. 2 Vols. Lanham, Maryland, N. Y., L., Rowman & Littlefield.

Stites, R. (1992). *Russian Popular Culture: Entertainment and Society Since 1900*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 304 p.

Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda [Strategies of State National Policy of the Russian Federation until 2025]. In *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov* [website]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (accessed: 07.11.2022).

Sztompka, P. (1999). Cultural Trauma. The Other Face of Social Change. In *European Journal of Social Theory*. No. 3 (4), pp. 449–466. DOI 10.1177/1368431002224895.

Tarasov, K. A. (2018). Grazhdanskie voyny na postimperskom prostranstve. Kruglyi stol “Peterburgskogo istoricheskogo zhurnala” [Civil Wars in the Post-imperial Space. St Petersburg Historical Journal Round Table]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal. Issledovaniya po rossiiskoi i vseobshchei istorii*. No. 3 (19), pp. 167–170. DOI 10.51255/2311-603X-2018-00055.

Taylor, R. (1985). Soviet Socialist Realism and the Cinema Avant-Garde. In *Studies in Comparative Communism*. No. 17 (3/4), pp. 185–202.

Tyurin, V. A. (2008). “Chrezvychaika”: Grazhdanskaya voyna v forme etnicheskogo protivostoyaniya [The “Extraordinary”: Civil War in the Form of Ethnic Confrontation]. In *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. No. 11, pp. 298–314.

Vance Kepley, Jr. (1996). Federal Cinema: The Soviet Film Industry, 1924–32. In *Film History*. Vol. 8. No. 3, pp. 344–356.

Youngblood, D. J. (1991). The Fate of Soviet Popular Cinema during the Stalin Revolution. In *The Russian Rev.* Vol. 50. No. 2, pp. 148–162.

Za chto borolis'? [What Were They Fighting for?]. (1927). In *Smena*. No. 20, p. 10.

Zasedanie Prezidiuma Gossoveta o merakh po ukrepleniyu mezhnatsional'nogo soglasiya. 11 fevralya 2011 g., Ufa [Meeting of the Presidium of the State Council on Measures to Strengthen Interethnic Harmony. February 11, 2011, Ufa]. In *Prezident RF* [website]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/10312> (accessed: 07.11.2022).

The article was submitted on 20.08.2022